

Память: смысловое поле

Понятие памяти включает в себя три области значений, но границы между ними условны. Память – это всегда некий след, некая история, а также основа человеческой личности. Память невозможно рассматривать вне ее отношения со временем. Память – это ответ на вопрос «как?»: как сущее существует во времени? Как осваивает его или ему сопротивляется?

The concept of memory includes three areas of meaning, but the boundaries between them are conditional. Memory is always a trace, a sort of history, as well as the foundation of human personality. Memory cannot be considered beyond the time. Memory is the answer to the question "how": how things exist in time? How things develop it or resist to it?

Ключевые слова: философская антропология, память, время, история, психология, след, знак, вечность.

Key words: philosophical anthropology, memory, time, history, psychology, trace, sign, eternity.

Разные исследователи, задавая и отвечая на вопрос, что есть память, понимают и говорят о связанных между собою, но различных значениях этого слова. Анализ смыслового поля понятия *памяти* позволяет выявить, по крайней мере, три значимых области его применения. Это, во-первых, *память как история*, которой принято приписывать свойство или стремление к объективности. Во-вторых, это *память как психический феномен*, присущий человеку как индивиду; свойство, которое неизбежно отсылает к понятию субъективности. И третья смысловая область, которой в данной статье уделяется большее внимание, есть *память, понимаемая как след*, который остается от любого сущего как временного, преходящего. Каждая из этих дискурсивных областей имеет право на существование, и ни одна из них не может подчинить, заменить или исключить другую. В данной статье ставится задача показать взаимосвязь различных дискурсов о памяти.

Память как история

Ближайшее значение слова «память» – это «*память о...*» чем-то, например, воспоминание о каком-либо событии. Хотелось бы обратить внимание на различие между *памятью* как инструментом и содержательной стороной памяти. Говоря «мы помним о...», мы говорим *о том, что было* когда-то действительным, что происходило с нами или с кем-то другим. Так мы отождествляем память с историей в ее различных

формах и видах, начиная со всемирной истории и заканчивая историями жизни отдельных людей. Проблема соотношения истории как памяти с историей реальной деятельности (историческими событиями) есть, на деле, проблема несоответствия различных историй-воспоминаний предположительно об одном и том же.

Исторические события уже произошли, состоялись, и мы не в силах их изменить. Они объективны в том смысле, что находятся вне нас и от нас не зависят. Но надо помнить, что мы имеем дело не с самими историческими событиями, но с их материальными остатками, присутствующими в сегодняшнем дне: памятниками, документами, совокупностью текстов, содержащих некоторую их интерпретацию. История же как память об исторических событиях всегда субъективна, поскольку всегда является интерпретацией, вызванной современными потребностями и задачами. Эта интерпретация, конечно же, не произвольна, поскольку неизбежно ограничивается объективными данными, которыми располагают историки. Но таких интерпретаций может быть одновременно несколько. И это зависит не только от идеологических и политических настроений сегодняшнего дня и политических интересов различных общественных групп, но и от изменения самого предмета исторической науки.

История, рассматриваемая с точки зрения памяти, есть человеческая деятельность, направленная на понимание себя и сохранение культурного наследия.

Память как психическая способность

Второй круг значений слова *память* связан с рассмотрением памяти как психического явления, присущего человеку. В этом аспекте память изучается психологией, которая исследует память как составную часть высшей нервной деятельности и мозговые структуры, участвующие в процессе запоминания. В структуре памяти когнитивная психология выделяет первичную память, кратковременную и долговременную, декларативную и недеklarативную, семантическую и эпизодическую, моторную, процедурную память и прочие ее «виды». Память в контексте такого рода исследований понимается как одна из человеческих способностей наряду с восприятием и воображением. Такое понимание было унаследовано психологией от философии.

Это узкое значение *памяти* как вспомогательной по отношению к мышлению способности человека в ренессансном «искусстве памяти» было расширено до поистине вселенских масштабов. Как пишет Ф. Йейтс, «искусстве памяти» стремилось воспроизвести универсум (космос) в человеке (микрокосме), причем не только в целом, но и в каждой его детали [4]. Эту традицию можно проследить от греков, через Августина, ренессансных философов-алхимиков, до Лейбница с его монадами, обладающими памятью и отражающими гармонию универсума.

Смысловая нагрузка *памяти* у различных мыслителей различна. Например, Августин практически отождествляет память с душой, с личностью человека. Более того, для него память – самое загадочное и непостижимое в человеке, потому что память – то «место», в котором обитает бог [1].

Переворот в понимании памяти произвел З. Фрейд. Он отказался от общепринятого мнения о линейном, последовательном, «накопительном» характере памяти. В теории Фрейда ключевым для описания процесса, происходящего в психике в противовес запоминанию и несводимого к простому забвению, стало понятие «вытеснения» [6, с. 184–188]. «Я-сознание неявным образом отождествлялось с тем, что я помню, в чем отдаю себе отчет, с тем, что для меня действительно и действует на меня. Бессознательное – это то, что мной не просто забыто, а вытеснено как не соответствующее моему Я-идеалу. Неверно понимать память как просто хранилище воспоминаний, некий склад» [5, с. 104–119]. Когда психоаналитик побуждает пациента «вспомнить» некое травматическое переживание из глубокого детства, действительно ли человек вспоминает забытое, или, быть может, конструирует его?

Итак, как и что бы ни говорилось о человеке, его душе, его истории, разговор неизбежно имеет отношение к памяти. И не важно, ставится ли вопрос о ней явным образом или нет. Верно и обратное: если мы хотим говорить о памяти, нам неизбежно придется говорить о человеке, его душе, его истории. Поскольку не существует абстрактного обособленного индивида, понять функционирование памяти в искусственных лабораторных условиях не удастся. Каждый человек является результатом как собственного развития (взросления), так и результатом исторического развития поколений людей, предшествующих ему. Память не есть нечто простое, она не сводима к функционированию некоторого материального органа – мозга или даже человека как биологического индивида в целом. Память – деятельность, направленная на самосохранение и самовоспроизведение. Ее можно назвать субъективной, но лишь в том смысле, что она связана с усилием или желанием некоторого субъекта деятельности, под которым можно понимать не только конкретного человека, но группу людей, поколение, общество, народ в его историческом развитии.

Память как след

Прежде чем указать третью область значений слова *память*, надо уделить внимание отношению между памятью и временем.

Внутреннее сознание времени у Э. Гуссерля

Говоря о памяти, нельзя не говорить о времени, и наоборот. В силу своей всеобщности эти «предметы» сложны для определения. В «Феноменологии внутреннего сознания времени» Э. Гуссерль признается: «Для всего этого не хватает названий!» [3, с. 79]

Поскольку феноменологический анализ специально ограничивает себя областью феноменов, вынося за скобки вопрос о реальности, Гуссерль говорит именно о внутреннем сознании времени. И результатом такого подхода оказывается фактическое отождествление времени и сознания. Гуссерль выявляет и утверждает не просто темпоральность сознания. Он утверждает, что сознание работает так, что результатом его деятельности является конституирование времени. Иначе говоря, деятельность сознания создает время и находит себя в нем.

Как говорит Гуссерль, *ретенция* (сохранение памяти о прошлом) обладает двойной интенциональностью: она направлена на переживания, актуальные и удерживаемые в первичной памяти, с одной стороны, и на сам временной «поток», на длительность как таковую, – с другой стороны [3, с. 84–85]. «Поток» – это метафора, образ. Мы можем назвать его временем, потому что в нем время конституируется. Но этот «поток» не есть нечто темпорально объективное. Напротив, это есть абсолютная субъективность, т. е. сознание.

Думается, утверждения Гуссерля нуждаются в одном существенном уточнении. То, что он отождествляет с сознанием, есть не само время, но память о нем – память в широком смысле слова. Сознание воспринимает самого себя и окружающий мир в его временных проявлениях и сохраняет образы-восприятия в памяти-ретенции. Время не есть нечто, что может быть дано нам непосредственно. Непосредственно нам дана только память-сознание. И только посредством памяти нам дано время. Способность помнить позволяет нам осознавать течение времени. Но, конечно, память-сознание не тождественно времени.

Отождествление времени и сознания заставляет Гуссерля говорить об абсурдности временного потока [3, с. 78], который и не поток вовсе, потому что постоянен: он длится, но не изменяется, оставаясь всегда тождественным самому себе. И каждое наше восприятие (внешнее) или переживание (внутреннее) имеют в этом неизменном «потоке» абсолютную, постоянную временную позицию [3, с. 67–76]. Ирония в том, что Гуссерль доказывает философскими средствами теорию абсолютного времени, в то время как физика в лице А. Эйнштейна выдвигает идею относительности пространства-времени.

Пациент Н.М. и утраченное время

Восприятие окружающего мира, существование в нем невозможно без памяти. Именно память дает нам время. Там, где нет памяти, нет и восприятия времени. Поразительный пример того, как это возможно – история пациента Н.М. [7].

В 27-летнем возрасте после операции на головном мозге Генри Молашен потерял способность запоминать что-либо с ним происходящее, он не смог больше формировать новые воспоминания. Он мог удерживать в кратковременной памяти зрительный образ или явление не более

чем 10 минут, по истечении которых все только что произошедшее «стиралось». Во всех остальных отношениях здоровый человек (он прожил до 82 лет) он стал недееспособным и всю оставшуюся жизнь провел в клиниках.

Вместе с потерей возможности создавать новые воспоминания Генри Молашен утратил восприятие времени и способность меняться самому. Конечно, он старел, но не мог запомнить этих изменений и до самой смерти считал себя 27-летним. Его словарный запас не пополнился ни одним новым словом, он не мог запомнить ни одного нового зрительного образа. Единственное, что ему удавалось запомнить, было связано с моторикой: он смог научиться играть на гитаре, но сыграв песню, никогда не мог вспомнить, откуда он ее знает. Случай Генри Молашена уникален: трудно даже вообразить жизнь, в которой время остановилось. Именно благодаря нему ученые впервые смогли узнать многое о структуре памяти.

Память в природе

Как известно, способностью к произвольной памяти обладают многие высшие животные и птицы. Они могут сохранять некоторую память о событиях, с ними происходящих, осваивать территорию, запоминать и узнавать своих соседей, обучаться новым видам деятельности, накапливать жизненный опыт, изобретать новые формы поведения, передавать приобретенные знания своему потомству или членам своей группы. Сложное поведение животных невозможно объяснить действием «слепого» инстинкта. Да и само инстинктивное поведение, как показал Конрад Лоренц и другие исследователи, невозможно описать простой формулой: «*стимул*» (определенное изменение в окружающей среде) – «*реакция*» (определенное поведение особи).

Мы мало знаем о механизмах памяти у животных. Но именно они – и наследственная, и благоприобретенная память – играют роль двигателя в процессе эволюции биологических видов. Одно из ключевых «изобретений» природы – *генетическая* память, с помощью которой все живое воспроизводит само себя. Слово «память» употребляется здесь в самом своем прямом значении. Я не расширяю понятие человеческой памяти, но, напротив, понимаю человеческую память как один из видов памяти вообще. Памяти в самом широком значении этого слова как способности к самосохранению и/или самовоспроизведению в процессе взаимодействия с окружающим миром.

Все сущее, как живое, так и неживое, временно. Однажды возникнув, все должно когда-нибудь исчезнуть (умереть), все преходяще. Но все, что проходит, проходя, оставляет *след*. Возможность оставить *след* и способность, «пройдя» по следам, продлить и/или повторить свое существование во времени можно считать *памятью* в самом широком значении этого слова.

Цикличность и уникальность

С давних времен люди обращали внимание на повторение и периодическое возрождение всего живого. Ритм этого воспроизведения (годовой цикл) отождествлялся с самим временем, которое понималось как бесконечный круговорот. Но уже Аристотель отличал бесконечное возвратное движение природы (космоса) от времени как числа движения. Сделать мыслительное усилие по отделению времени от того, временем чего оно является, не просто. Природа возрождается и оказывается молодой каждую весну, но это движение природы нельзя отождествить со временем как таковым. Потому что, как с горечью и сарказмом заметил Аристотель, от времени еще никто не помолодел [2, с. 152].

Еще в древности некоторые полагали, что все сущее в целом однажды возникло, и значит, когда-нибудь исчезнет. Другие полагали, что, в сущности, не меняется ничего, и космос есть бесконечное совершенное движение по кругу, в котором все повторяется. Именно вторая точка зрения, подкрепленная ссылкой на вневременного бога, создателя и устроителя мира, стала доминирующей в истории европейской мысли. В том числе и в возникшей в Новое время науке, в которой Универсум понимался как (часовой) механизм, все части которого движутся согласованно, целесообразно, одним и тем же раз и навсегда заведенным порядком. Отсюда и стремление, движущее некоторыми учеными до сих пор, – найти единый Универсальный закон, описывающий движение Универсума как целого.

«Открытие» *времени*, начавшееся в конце XIX в. и не завершенное еще до сих пор, требует пересмотра всех привычных представлений о мире. Мы теперь знаем, что абсолютного повторения быть не может. Мы все с большим основанием начинаем подозревать, что наша Вселенная не вечна и неизменна, но когда-то возникла и есть явление уникальное. Ее существование есть развитие, появление нового и исчезновение старого. Но то, что мир изменчив, не означает, что он нов в каждое следующее мгновение времени. Все в мире сущее обладает некоторой «инерцией» существования: собственной длительностью и своим особым темпом изменений.

Следы и знаки

Мир не есть нечто целостное, законченное, совершенное. То, что существует в нем сейчас, это отчасти то, что живет или возникло уже какое-то время назад и несет на себе следы происшедших с ним событий, отчасти зародыши того, что при благоприятных условиях будет жить завтра, а по большей же части то, что является останками прошлых существований. Все, что существует сейчас, есть некоторые *следы* того, что существовало когда-то в прошлом. Эти *следы* не потому следы, что они следы для *нас*. Эти следы могут быть поняты нами как *знаки*, посредством которых мы можем узнавать нечто, потому что они *уже* яв-

ляются следами. Потому что во всем сохраняется некоторая память о том, что было раньше – *до* настоящего, *до* мгновения «сейчас». Таким образом, мир есть след самого себя.

Все слова, созданные людьми для сохранения памяти-информации о мире, какие бы «строгие» понятия они ни выражали, в конечном счете являются метафорами: средствами переноса одних искусственно созданных следов (знаков) на другие нами выделенные и ограниченные следы (представления о) реальности. Не все то, что обозначается именем существительным, является отдельным существом или видом существ. Когда мы говорим, например, о памяти, *что это нечто*, или о времени, *что оно проходит*, мы не обязаны представлять себе действительно нечто сущее, вмещающее или вмещаемое.

Время, вечность и память

Время есть способ существования сущего. Поскольку для сущего нет никакого другого способа существования, эта фраза – тавтология. Сказать, что нечто *существует*, все равно, что сказать: нечто возникло когда-то и когда-нибудь исчезнет, нечто *временно*. Или: нечто обладает своим временем или находится в своем времени. Смысл этих слов лишь в том, чтобы провести границу между тем, что я считаю реальным, и тем, что я реальным не считаю. Этим я утверждаю, что ничто не существует *вечно*, что нет ничего вечного, но все, что существует, существует временно.

«Вечность» претендует быть особой, высшей ценностью. Основной первичный смысл этого понятия состоит в утверждении существования чего-то, что неподвластно времени, чего-то неизменного, постоянного, на что можно опереться, на чем можно обосновать существование сущего. Свойство вечности приписывалось и приписывается бытию как Абсолюту, космосу, природе, идее, богу, универсуму, естественному закону, наконец, самому времени как совокупности всех времен. Эти «вечные» сущности выражают стремление человека к самоутверждению и желание прочно обосновать собственное существование. Философы, и наиболее убедительно это сделал Кант, стремились избавить идеи, истину и мораль от влияния времени. Более гибкие концепции предложили Кьеркегор, Ницше и Делез, говоря о повторении и вечном возвращении. Однако нельзя не согласиться с теми, кто уверен, вера в вечность есть разновидность самообмана, возможно, исторически оправданного. Единственную, хоть и не абсолютную опору, человек может обрести в памяти. Человек осваивает время всеми возможными способами, подражая окружающей природе и на ее основе изобретая что-то новое, сугубо человеческое. Однако, как бы мы ни отделяли себя от природы, наше существование все так же негарантировано, подвержено времени с его неизбежной реальностью изменений и смерти. Потому забота о памяти – одна из основных людских забот.

Список литературы

1. Августин. Исповедь // Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М., 1969.
2. Аристотель. Сочинения. Т. 3. – М.: Мысль, 1981.
3. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени // Собр. соч. Т.1. – М.: Логос, 1994.
4. Йейтс Ф.А. Искусство памяти. – СПб.: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997.
5. Фрейд З. Забывание иностранных слов: хрестоматия по общей психологии. Психология памяти / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. – М.: Изд-во МГУ, 1980.
6. Фрейд З. Я и Оно: хрестоматия по истории психологии / под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан – М.: Изд-во МГУ, 1980.
7. Corkin S. What's new with the amnesic patient H.M.? / NATURE REVIEWS // NEUROSCIENCE, Volume 3, February 2002 – Macmillan Magazines Ltd. P. 153–160. URL: ([http:// www.nature.com/reviews/neuro](http://www.nature.com/reviews/neuro)).